

Письмо к П.А. Столыпину от 30 августа 1909 г.

1909 г. августа 30.

Я. П.

Пишу вам об очень жалком человеке, самом жалком из всех, кого я знаю теперь в России. Человека этого вы знаете и, странно сказать, любите его, но не понимаете всей степени его несчастья и не жалеете его, как того заслуживает его положение. Человек этот — вы сами. Давно я уже хотел писать вам и начал даже письмо писать вам не только как к брату по человечеству, но как исключительно близкому мне человеку, как к сыну любимого мною друга. Но я не успел окончить письма, как деятельность ваша, всё более и более дурная, преступная, всё более и более мешала мне окончить с непритворной любовью начатое к вам письмо. Не могу понять того ослепления, при котором вы можете продолжать вашу ужасную деятельность — деятельность, угрожающую вашему материальному благу (потому что вас каждую минуту хотят и могут убить), губящую ваше доброе имя, потому что уже по теперешней вашей деятельности вы уже заслужили ту ужасную славу, при которой всегда, куда будет история, имя ваше будет повторяться как образец грубости, жестокости и лжи. Губит же, главное, ваша деятельность, что важнее всего, вашу душу. Ведь еще можно бы было употреблять насилие, как это и делается всегда во имя какой-нибудь цели, дающей благо большому количеству людей, умиротворяя их или изменяя к лучшему устройство их жизни, вы же не делаете ни того, ни другого, а прямо обратное. Вместо умиротворения вы до последней степени напряжения доводите раздражение и озлобление людей всеми этими ужасами произвола, казней, тюрем, ссылок и всякого рода запрещений, и не только не вводите какое-либо такое новое устройство, которое могло бы улучшить общее состояние людей, но вводите в одном, в самом важном вопросе жизни людей — в отношении их к земле — самое грубое, нелепое утверждение того, зло чего уже чувствуется всем миром и которое неизбежно должно быть разрушено — земельная собственность. Ведь то, что делается теперь с этим нелепым законом 9-го ноября, имеющим целью оправдание земельной собственности и не имеющим за себя никакого разумного довода, как только то, что это самое существует в Европе (пора бы нам уж думать своим умом) — ведь то, что делается теперь с законом 9-го ноября, подобно мерам, которые бы принимались правительством в 50-х годах не для уничтожения крепостного права, а для утверждения его.

Мне, стоящему одной ногой в гробу и видящему все те ужасы, которые совершаются теперь в России, так ясно, что достижение той цели умиротворения, к которой вы, вместе с вашими соучастниками, как будто бы стремитесь, возможно только совершенно противоположным путем, чем тот, по которому вы идете: во-первых, прекращением насилий и жестокостей, в особенности казавшейся невозможной в России за десятки лет тому назад смертной казни, и, во-вторых, удовлетворением требований с одной стороны всех истинно мыслящих, просвещенных людей, и с другой — огромной массы народа, никогда не признававшей и не признающей право личной земельной собственности.

Да, подумайте, подумайте о своей деятельности, о своей судьбе, главное, о своей душе, и или измените всё направление вашей деятельности, или, если вы не можете этого сделать, уйдите от нее, признав ее ложной и несправедливой.

Письмо это пишу я только вам, и оно останется никому неизвестным в продолжение, скажем, хоть месяц. С первого же октября, если в вашей деятельности не будет никакого изменения, письмо это будет напечатано за границей.